

А. С. Пушкинъ по его письмамъ.

«Жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей» (Соч. *Пушкина*, т. VII, стр. 150).

... Читая однажды біографію Байрона, и видя, какъ искажается великій образъ подъ безцеремоннымъ перомъ его судьи, Пушкинъ совершенно справедливо напалъ на «толпу», дерзающую судить генія, оскорбляющую его святую память старательнымъ собираніемъ разныхъ «мерзостей» изъ его жизни¹⁾. Дѣйствительно, такая «толпа», ликующая по поводу слабостей выдающихся людей, можетъ вызвать негодованіе у всякаго, кому дороги великія имена свѣточей цивилизаціи! Вотъ почему порою такъ непріятно бываетъ читать нѣкоторыя «доброевѣстныя» біографіи, представляющія собою пестрое собраніе всѣхъ анекдотовъ, всѣхъ сплетенъ о какомъ-нибудь дѣятелѣ! Кому приходилось имѣть въ рукахъ старыя біографическія статьи, тотъ, конечно, чувствовалъ, какъ подъ ворохомъ мелочей, ненужныхъ никому, искажались и туманились человѣческіе образы. Передъ біографомъ напихъ дней другія задачи: онъ стремится понять прежде всего внутреннюю жизнь великаго писателя, онъ пытается уяснить себѣ и другимъ психологію и фізіологію творчества великаго художника, сущность и характерныя черты его духа. Біографъ не можетъ обойтись безъ мемуаровъ, записокъ и переписки великихъ людей, онъ прислушивается иногда и къ анекдоту, и сплетнѣ, и, часто, его вниманіе остановится на томъ, что иногда совсѣмъ не занимаетъ доброевѣст-

---

1) Соч. *Пушкина*, изд. 1887 г., т. VII, стр. 160.

наго собирателя разныхъ историческихъ курьезовъ. Онъ не будетъ *судить* великаго человѣка, ни, тѣмъ менѣе, злорадствовать и ликовать, — онъ будетъ только воскрешать прошлое *sine ira et studio*, создавать изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ мозаики образъ, цѣльный, живой, *уясняющій твореніе писателя*. Поэзія и жизнь въ такомъ взаимодействіи между собой, что раздѣлить ихъ нельзя и понять ихъ отдѣльно — нѣтъ возможности: мы не опѣнимъ по достоинству казовой стороны жизни, если не будемъ знать закулисной, — ея бояться критикъ-біографъ не долженъ, но въ его работѣ она не должна закрывать собою все остальное.

О Пушкинѣ говорилось уже очень много, но, конечно, не мало еще будетъ говоритья впредь: нелегко дается пониманіе великаго, и долго еще будетъ онъ загадкой для пытливыхъ умовъ, — лишь «по горсти бѣдной» собираются тѣ знанія, изъ которыхъ со временемъ сложится пониманіе великаго человѣка. Мы имѣемъ большое число разныхъ біографическихъ замѣтокъ о Пушкинѣ, въ которыхъ иногда блеснетъ вѣрно схваченная черта дѣйствительно-пушкинскаго образа, но до сихъ поръ не имѣемъ мы еще полной характеристики его, какъ человѣка, до сихъ поръ не использованы даже его письма¹⁾, богатѣйшій біографическій матеріалъ.

Попробуемъ быстро перелистывать лирическія стихотворенія Пушкина, — насъ поразитъ, прежде всего, ихъ страшное *разнообразіе*. Какой пестрый калейдоскопъ отдѣльныхъ шедевровъ всякаго рода! Вотъ — застольная пѣсенка въ честь вина и любви, вотъ — мѣткая эпиграмма, невольно вызывающая улыбку, вотъ — задушевная, теплая элегія, вся дышащая любовью къ людямъ, сейчасъ же за нею осколокъ злой сатиры, за нею возвышенная молитва, страстный вопль, какая-то скабрзность, ласковая шутка, обломокъ какой-то, какъ будто религіозной, поэмы, обильно изуродованной цѣломудренными точками, тамъ — дружески-теплое посланіе, опять любовь, опять смѣхъ и слезы, радость и горе, вѣра и невѣріе... Нѣтъ почти ни одного однороднаго стихотворенія, которое по времени стояло бы рядомъ — пе-

1) Статья *Е. А. Ляцкого*: «А. С. Пушкинъ и его письма» въ *Сборникъ журнала Русское Богатство* (1900 г.) представляетъ изъ себя лишь обстоятельный подборъ фактическихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ писемъ Пушкина.

редь читателемъ все время сверкають дивнымъ букетомъ разноцвѣтныя искры.

Откуда такое богатство мелодій, разнообразіе настроеній? Какъ это въ одномъ сердцѣ можетъ звучать столько струнъ, что на *всякое* впечатлѣніе могутъ отзываться онѣ своими звуками?

Не даромъ душу поэта назвали «многогранной»¹⁾, — въ ней, какъ въ хорошемъ алмазѣ, не пропадаетъ ни одна искорка свѣта, ни одно впечатлѣніе красоты. Югъ и сѣверъ, западъ и востокъ, — отовсюду беретъ онъ свои мелодіи и своихъ героев: старушка няня и красавецъ Донъ-Жуанъ, суровый скупецъ-рыцарь и вѣжная Татьяна, Годуновъ и Ленскій, Мефистофель и Маша Миронова, — всѣ эти пестрые образы тѣснятъ передъ нами. Какое страшное разнообразіе лицъ, сердецъ, костюмовъ! Откуда это неизсякаемое богатство образовъ, яркихъ, живыхъ, какъ впечатлѣнія самой жизни?

Жизнь поэта отвѣтитъ намъ на этотъ вопросъ. Заглянемъ въ закулисную жизнь великаго человѣка; перечитаемъ, хотя-бы, его письма и постараемся понять тѣ психическія особенности его, которыя объясняютъ намъ разнообразіе его генія.

Первое, что бросается въ глаза при чтеніи этихъ «писемъ», — это, опять-таки, то-же *разнообразіе*. Оно сказалось и въ выборѣ друзей-корреспондентовъ, и въ характерѣ писемъ, къ нимъ отправленныхъ; если сравнить нѣкоторые изъ нихъ одно съ другимъ, — положительно нельзя повѣрить, что писаны они однимъ лицомъ; стоитъ вчитаться въ нихъ, всмотрѣться, — и мы сможемъ по нимъ писать характеристики тѣхъ, *кому* они были отправлены! Какой, на примѣръ, прекрасной, серьезной и доброжелательной женщиной рисуется Осипова, окруженная неизмѣннымъ уваженіемъ поэта. Какимъ легкомысленнымъ эгоистомъ представляется братъ поэта, «милая пустельга» Левушка... Мелькаетъ тревожный, страстный образъ красавицы Керъ; въ нѣсколькихъ короткихъ записочкахъ очерчивается «свѣтлая душа» Жуковскаго, вѣчнаго заступника поэта; тутъ же, недалеко отъ пѣвца Свѣтланы, обыкновенно отпечатывается жесткій, каменный профиль Бенкендорфа, попутно мелькають разные литераторы, поэты, критики и, наконецъ, все это вытѣсняетъ красавица Nathalie, легкомысленная

1) А. Э. Кони. Общественные взгляды А. С. Пушкина — въ книгѣ: Чествованіе памяти А. С. Пушкина Имп. Акад. Наукъ. С.-Пб. 1900, стр. 34.

до жестокости, пустая и холодная, вся окруженная вѣжнѣйшей любовью поэта, — роковой образъ, покрытый его поцѣлуями, облитый его слезами и кровью.

Особенность этихъ писемъ, повторяемъ, заключается въ томъ, что образъ поэта мѣняется въ зависимости отъ того, *къ кому* онъ пишетъ, мѣняется до неузнаваемости, до слиянія съ чуждымъ образомъ: съ литераторомъ — онъ только литераторъ, съ политикомъ онъ — политикъ, съ сплетникомъ — сплетникъ, съ гулякой — только гуляка и ничего болѣе. Какъ хорошій артистъ, котораго никто не узнаетъ въ разныхъ роляхъ, сживается Пушкинъ со всякими ролями. О такихъ людяхъ принято говорить, что у нихъ нѣтъ личности, нѣтъ воли, нѣтъ духа; ихъ любятъ немногіе, сумѣвшіе открыть, что подъ измѣнчивой уступчивой вѣщностью кроется духъ ясный, опредѣленный, но не легко себя проявляющій. Оттого-то ихъ легкая приспособляемость — не слабость, а чуткость впечатлительнаго духа, всегда инстинктивно соразмѣряющаго себя со средой. Невольно припоминаются намъ по этому поводу слова апостола Павла: «Будучи свободенъ онъ всѣхъ, я всѣмъ поработилъ себя... Для Іудеевъ я былъ, какъ Іудей... Для чуждыхъ закона, какъ чуждый закона... Для немощныхъ былъ, какъ немощный... Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ!»¹⁾ Эта «зеркальность» души апостола сдѣлала его властителемъ сердець человѣческихъ. Онъ понималъ всѣхъ — и всѣ понимали его...

«Первый признакъ умнаго человѣка — съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому подобными»²⁾ — пишетъ Пушкинъ, критикуя Чацкаго. Да, онъ не былъ Чацкимъ, потому что обладалъ способностью заразъ жить интересами и Репетилова, и Чацкаго, искренне любя ихъ сегодня, такъ же искренне презирая завтра. У него былъ тѣсный кругъ друзей, съ которыми онъ всегда былъ неизмѣненъ и ровенъ. Дельвигъ, кн. Вяземскій, Жуковскій, Осипова, — вотъ эти лица, судя по его письмамъ; къ остальному же пестрому міру людей онъ относился такъ же пестро. Когда, на примѣръ, друзья упрекали его за то, что онъ вступаетъ въ сношенія съ Булгаринымъ, котораго завѣдомо презиралъ, онъ отвѣчалъ: «потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка,

1) Посланіе къ Коринѣянамъ, гл. X, 19, 20, 21, 22, 23.

2) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 108.

Мухановъ, Давыдовъ и прочіе. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. Они на дняхъ меня зарѣжутъ»¹⁾). Такая нравственная неразборчивость связала его тѣсной дружбой съ Нащокинымъ, человѣкомъ можетъ быть и добродушнымъ, но совершенно пустымъ, безтолковымъ и въ нравственномъ отношеніи невысокимъ. «Домъ его», пишетъ Пушкинъ, — «такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы»²⁾... Надо сознаться, что приблизительно такой-же букетъ пріятелей былъ и у нашего великаго поэта, и, если онъ иногда скучалъ³⁾, глядя на эту галерею, то порою, оказывается, смѣялся («до упаду»⁴⁾). Припомнимъ, какъ привязался онъ къ своимъ друзьямъ по обществу «Зеленой Лампы», перечитаемъ его письмо къ Мансурову⁵⁾, письмо, въ которомъ юноша захлебывается скабренымъ духомъ «Зеленой Лампы», — и невольно намъ припомнятся его слова о томъ, какъ поэтъ теряется въ толпѣ, дѣлается «ничтожнѣе» многихъ «ничтожныхъ».

Но мгновенье, — и поэтъ воскреснетъ. Да, *мгновенье* играло въ его поэтической жизни большую роль: почти всѣ его лирическія стихотворенія — отзвуки такого минутнаго настроенія. Именно оттого въ нихъ столько разнообразія, порой граничащаго съ противорѣчіемъ. Какъ помирить, на примѣръ, представленіе о поэтѣ, какъ священнослужителѣ, жрецѣ, съ тѣми стихами, которые написаны на злобу дня, или посвящены «выметанію сора» путемъ эпиграммъ и сатиръ. Онъ искренне воспѣваетъ декабристовъ, — стоитъ императору Николаю сдѣлать что-нибудь пришедшее по вкусу поэту — онъ искренне воспѣваетъ Николая. Онъ самъ признается, что «мгновенье» имѣетъ надъ нимъ большую силу⁶⁾, — подъ вліяніемъ минуты онъ можетъ то совершенно пренебречь мнѣніемъ свѣта⁷⁾, то не въ силахъ удержаться отъ собиранія великосвѣтскихъ сплетень, его касающихся⁸⁾. Онъ самъ со-

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 104.

2) Тамъ же, стр. 297.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же, стр. 306.

5) Тамъ же, стр. 5.

6) Тамъ же, стр. 11.

7) Тамъ же.

8) Тамъ же, стр. 111.

знаеть эту слабость, оттого пишетъ Жуковскому, что его поведеніе по отношенію къ правительству будетъ зависѣть «отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія» съ нимъ правительства¹⁾.

Эта впечатлительность, жизнь во власти минуты, помѣшала Пушкину устойчиво относиться къ людямъ, — отсюда вытекаетъ та двойственность, которая легко изобличается письмами. Вотъ онъ пишетъ поэтессѣ А. А. Фуксъ теплое, сердечное письмо, проникнутое чувствомъ признательности за то гостепріимство, которое она ему оказала: «Съ сердечной благодарностью посылаю вамъ мой адресъ, и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, милостивая государыня, изъявленіе моей глубокой признательности, и пр.»²⁾. Послушаемъ теперь, что пишетъ онъ черезъ четыре дня своей очаровательной женѣ, желая ее, конечно, разсмѣшить: «Попадь на вечеръ къ одной blue stockings, сорокалѣтней, несносной бабѣ съ воцеными зубами и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхваливалъ ея красоту и геній»³⁾. «Съ жадностью прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія», пишетъ Пушкинъ той же поэтессѣ, «и между ними ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы. Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на дняхъ доставить» и т. д.⁴⁾. Таково-же двойственное отношеніе поэта къ Дмитріеву⁵⁾, Катенину⁶⁾,

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 173, 174.

2) Тамъ же, стр. 324.

3) Тамъ же, стр. 325.

4) Тамъ же, стр. 372. Прекрасной иллюстраціей къ этимъ отношеніямъ могутъ служить выдержки изъ записокъ самой Фуксъ. Пушкинъ, добродушный, милый, сердечный, какъ живой, встаетъ передъ нами, — въ его искренности сомнѣваться нельзя. «Я простившись съ нимъ, думала, что его обязательная привѣтливость была обыкновенно свѣтскою любезностью, но ошиблась. До самаго конца жизни, гдѣ только было возможно, онъ оказывалъ мнѣ особенное расположеніе. . . Онъ писалъ ко мнѣ по нѣскольку разъ въ годъ и всегда собственною своею рукою; познакомилъ меня заочно со всѣми замѣчательнѣйшими русскими литераторами и наговорилъ имъ обо мнѣ столько для меня лестнаго, что я, по пріѣздѣ моемъ въ Москву и Петербургъ, была удостоена ихъ посѣщеніемъ» (А. С. Архангельскій. А. С. Пушкинъ въ Казани. Казань. 1899). См. также статью Н. П. Загоскина: «Пушкинъ въ Казани» — *Историческій Вѣстникъ*, 1899, № 5.

5) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 57, 75, 187, 301, 376, 408.

6) Тамъ же, стр. 7, 35, 118, 153, 167, 175.

Хвостову¹⁾. Насколько мы понимаемъ Пушкина, здѣсь нельзя говорить о неискренности, фальши поэта въ отношеніяхъ къ людямъ, — напротивъ, онъ всегда *черезъ чуръ искрененъ*: стоить кому-нибудь сказать ему теплое слово, онъ сейчасъ-же уступалъ его вліянію и отвѣчалъ такимъ-же теплымъ словомъ. Но пролетала эта минута, уносилось это впечатлѣніе, подвертывался новый собесѣдникъ, мелькала какая-нибудь новая мысль, шутка, — и часто, въ глазахъ Пушкина, вся картина освѣщалась другимъ свѣтомъ, — и гостепріимная поэтесса обращалась въ смѣшную каррикатуру. Уважая Плетнева онъ, на примѣръ, не въ силахъ удержаться, чтобы не посмѣяться надъ нимъ въ письмѣ къ Вяземскому²⁾; искренне любя своего поэта-дядюшку, добродушнѣйшаго Василія Львовича, онъ потѣшается надъ нимъ, пристегнувъ за-одно и только что скончавшуюся тетюшку³⁾. Въ тридцатыхъ годахъ отношенія его къ правительству были уже вполне равными, — однако въ веселую минуту онъ не прочь зло пошутить надъ тогдашнимъ режимомъ. И. И. Дмитріевъ въ его присутствіи нашель страннымъ сочетаніе словъ: «*московскій англійскій клубъ*», — Пушкинъ со смѣхомъ замѣтилъ, что есть названіе еще страннѣе, — «*императорское челоуѣколюбивое общество*»⁴⁾.

Отличаясь (говоря его же словами) «веселымъ лукавствомъ ума», а потому большой любитель «поповѣсничать и въ язычки постучать»⁵⁾, онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, что въ минуту смѣшливаго настроенія «ради краснаго словца не пожалѣютъ и отца». А такое настроеніе, какъ извѣстно, часто посѣщало его: во многихъ письмахъ слышится его неудержимый хохоть, тотъ заразительный, всепобѣждающій хохоть, о которомъ въ своихъ запискахъ писала такъ много Смирнова⁶⁾.

Минутное настроеніе⁷⁾ иногда заставляло его дѣлать такіе по-

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 286, 310.

2) Тамъ же, стр. 106.

3) Тамъ же, стр. 126, 132, 156.

4) Д. Н. Садовникоу: «Отзывы современниковъ о Пушкинѣ» — *Историческій Вѣстникъ*, 1883 г., т. XIV, стр. 536.

5) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 67.

6) Тамъ же, стр. 182.

7) Насколько впечатлительнѣе былъ Пушкинъ къ вліяніямъ минуты, видно изъ словъ А. П. Керъ: «Трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться; онъ былъ очень неровенъ въ обращеніи: то шумно весель, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то

ступки, которые потомъ долго мучали его совѣсть. Обласканный Карамзинымъ, принятый въ его семью, какъ родной, слишкомъ впечатлительный юноша, въ минуту обиды, вдругъ сочиняетъ эпиграмму на своего стараго друга¹⁾, — прошло это настроенье, и раскаянье его мучить, и любовь снова возвращается въ его сердце... «Карамзинъ боленъ», пишетъ онъ Плетневу при вѣсти о болѣзни исторіографа: «милый мой, это хуже многого — ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты»²⁾. Обиженный Петербургомъ, поэтъ, узнавъ о наводненіи 1825 года, легкомысленно восклицаетъ: «Что это у васъ? Потопъ? ништо проклятому Петербургу!»³⁾ «Я очень радъ этому потоцу, потому что золь!»⁴⁾, — но стоило переѣхать настроенію, и онъ говоритъ иное: «Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго»⁵⁾.

Такое неожиданное заключеніе ликованій по поводу наводненія приводитъ насъ къ основной чертѣ Пушкина, — къ его добротѣ. Мы понимаемъ, почему многіе современники, начиная съ лицейской скамейки до могилы, ненавидѣли поэта⁶⁾: его глубокая любовь къ людямъ скрыта была отъ близорукаго взгляда его непостоянствомъ, вѣтренностью, его высмѣиваньемъ слабыхъ сторонъ въ глаза и за глаза, — вѣдь для сухого педанта, человѣка «правиль», — всѣ эти недостатки выросли до громаднхъ размѣровъ, а за ними мало кто видѣлъ живое, доброе, отзывчивое сердце поэта. Онъ самъ признается, что «добродушіемъ преисполненъ до глупости, несмотря на опыты жизни»⁷⁾. Борются съ

нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ, и нельзя было угадать, въ какомъ онъ будетъ расположеніи духа черезъ минуту» (*Л. Н. Майковъ. Пушкинъ. С.-Пб. 1899, стр. 241*).

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 182.

2) Тамъ же, стр. 176.

3) Тамъ же, стр. 91.

4) Тамъ же, стр. 92.

5) Тамъ же, стр. 99.

6) Напримѣръ его товарищъ графъ М. А. Корфъ (см. его «Записку» въ книгѣ *Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники»*. С.-Пб. 1899; также *Записки А. О. Смирновой*, ч. I, С.-Пб. 1895, стр. 16, 19, 33, 73, 91, 103).

7) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 353.

врагами ему не подь силу, — пройдетъ его настроеніе, — и онъ пишетъ: «Ольдекопъ надоѣлъ. Плюнемъ на него, и квитъ»¹⁾. Послѣ различныхъ суровыхъ прижимокъ со стороны правительства, Пушкинъ хотѣлъ было уйти въ отставку, но ея онъ не получилъ, и кончилось дѣло тѣмъ, что задоръ у Пушкина прошелъ, и онъ все простилъ: «Долго на него (Николая I) сердиться не умѣю: хоть онъ и неправъ»²⁾. Незлобивость его доходитъ до того, что, сосланный на окраину Россіи, забытый всѣми, онъ не только не ожесточается, но даже тона раздраженія не слышится въ его отношеніяхъ къ друзьямъ, не присылающимъ ему вѣстей. Только иногда тихая жалоба на свою участь прозвучитъ въ его письмахъ, да легкій упрекъ вырвется, словно противъ воли. «Представь себѣ», пишетъ онъ брату, «до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружній голосъ — друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать эгегическую мою мизантропію — и это состояніе несносно»³⁾. «Дельвигъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ» — жалуется онъ. «Попеняйте ему и обнимите его за меня»⁴⁾. «Не могу повѣрить», пишетъ онъ Всеволожскому, «чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій, — ты помнишь Пушкина, проведеннаго съ тобою столько веселыхъ часовъ, — Пушкина, котораго ты видалъ и пьянаго, и влюбленнаго»⁵⁾. «Сердце вѣсти просить, — а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился, но не утерпѣлъ). Ради Бога, слово живое объ Одессѣ»⁶⁾. За-то, когда долетаетъ до него вѣсточка отъ друга, онъ забываетъ упрекнуть его за годовое молчаніе, а радостно восклицаетъ: «Вчера повѣяло мнѣ жизнью лицейской; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пушкину!»⁷⁾.

Почти съ лицейской скамейки онъ является ходатаемъ за разныхъ несчастныхъ, пришибленныхъ судьбой⁸⁾. Кюхельбекеръ, этотъ потѣшный «Кюхля», о которомъ Пушкинъ не можетъ говорить безъ смѣха, окруженъ его вѣчными заботами и самой нѣжной любовью⁹⁾. Сер-

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 94.

2) Тамъ же, стр. 364.

3) Тамъ же, стр. 28.

4) Тамъ же, стр. 50—51.

5) Тамъ же, стр. 82.

6) Тамъ же, стр. 96.

7) Тамъ же, стр. 58.

8) Тамъ же, стр. 4, 93, 96 и др.

9) Тамъ же, стр. 109, 169.

даться Пушкинъ, по-крайней мѣрѣ, въ письмахъ (мы исключаемъ письма накануне дуэли) совершенно не умѣетъ. Единственный разъ раздраженіе зазвучало въ объясненіи съ И. Е. Великопольскимъ (см. выше, статью г. Модзалевскаго о Великопольскомъ), и то оно сейчасъ-же разрѣшилось шуткой и миромъ. За этимъ исключеніемъ его упреки всегда мягки, скорѣе напоминаютъ жалобы. Бестужевъ напечаталъ стихи, которыхъ Пушкинъ печатать не хотѣлъ. «Я давно уже не сержусь за опечатки», шипеть онъ по этому случаю Бестужеву, «но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ, какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности. Это простительно Воейкову, но *et tu autem Brute?*») ¹⁾ «Что это со мною дѣлаютъ журналисты!» восклицаетъ онъ — «Булгаринъ хуже Воейкова. Какъ можно печатать партикулярныя письма — мало-ли что мнѣ приходится на умъ въ дружеской перепискѣ, а имъ бы все и печатать — это разбой!» ²⁾. Особенно много испытаній долготерпѣнію и добротѣ причинилъ поэту его братъ Левъ. Въ первыхъ письмахъ А. С. Пушкинъ съ самой теплой любовью относится къ нему ³⁾: рассказываетъ свою жизнь ⁴⁾, даетъ разные совѣты житейской мудрости ⁵⁾; затѣмъ очень скоро неблагоприятная роль «вождя по жизни» пріѣдается Пушкину, и онъ обращается къ Льву съ разными просьбами и порученіями ⁶⁾. Левушка, по легкомыслію и эгоизму, очень халатно относился къ просьбамъ брата: стихи его, еще не напечатанные, но уже проданные, раздавалъ въ спискахъ по всему городу ⁷⁾, писалъ ихъ въ альбомы дамъ ⁸⁾, деньги, вырученныя отъ продажи сочиненій брата, проигрывалъ ⁹⁾, — въ результатѣ, тонъ писемъ къ нему А. С. Пушкина дѣлается все суше, и скоро они принимаютъ дѣловой характеръ. Не менѣе интересна переписка съ женой, — здѣсь любовь Пушкина, положительно, неисчерпаема: онъ заботится о своей женѣ,

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 70.

2) Тамъ же, стр. 76.

3) Тамъ же, стр. 16.

4) Тамъ же, стр. 16.

5) Тамъ же, стр. 36, 37, 43—44.

6) Тамъ же, стр. 91, 92.

7) Тамъ же, стр. 76.

8) Тамъ же, стр. 139.

9) Тамъ же, стр. 159.

какъ о ребенкѣ, въ каждомъ письмѣ плетъ ей прописныя наставленія, умоляетъ ее вести себя въ обществѣ прилично, не кокетничать, беречь себя, — а она, въ отвѣтъ на эти отеческія посланія, поддразниваетъ его, сообщаетъ о своихъ побѣдахъ, о своемъ веселомъ, но глупомъ времяпровожденіи и пр. Въ отвѣтъ на эти письма поэтъ пишетъ опять нѣжныя посланія, выражая изрѣдка порицаніе укоризненнымъ: «Женка, женка! Но оставимъ это!»¹⁾ Или: «Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу — для чего? Для тебя, женка: чтобъ ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мушны, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc.»²⁾ Когда никакія мольбы не помогаютъ, поэтъ разрѣшаетъ своей женѣ «кокетничать». «Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ», пишетъ онъ, «но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побранивъ тебя, беру нѣжно тебя за уши и цѣлую»³⁾. Въ такомъ тонѣ всѣ письма Пушкина къ женѣ: его любовь къ ней выдерживала всѣ испытанія, она приковала его къ мелкимъ хозяйственнымъ хлопотамъ, къ заботамъ объ экипажахъ, квартирахъ, обстановкахъ, она заставила его страдать отъ разныхъ назойливыхъ поползновеній назойливой жениной родни, считаться съ разными сплетнями... Эта жизнь медленно отравляла его, — его, свѣтлая душа котораго была такъ далека отъ отчаянья: пессимизмъ вообще былъ чуждъ его природѣ. «Судьба не перестаетъ съ тобой проказить», писалъ въ 1826 году онъ Вяземскому. «Не сердись на нее, не вѣдаетъ бо, что творить. Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадить ее на цѣпь? Ни ты, ни я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего!»⁴⁾. Еще въ 1831 году, когда онъ уже вкусилъ сладостей супружеской жизни, онъ еще не терялъ надежды на счастье: любовь къ женѣ и дѣтямъ освѣщала ему жизнь. «Опять хандришь!» — писалъ онъ Плетневу: «Эй, смотри: хандра хуже холеры, — одна убиваетъ только тѣло, другая уби-

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 308.

2) Тамъ же, стр. 333.

3) Тамъ же, стр. 369.

4) Тамъ же, стр. 180.

ваеѣ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ, погоди умереть и Жуковский, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши — старыя хрычовки; а дѣтки будутъ славныя, молодыя, веселые ребята; мальчишки станутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ душа моя; не хандри, холера на-дняхъ пройдетъ; были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы»¹⁾. Сколько всепрощающей, всепримирающей любви въ этомъ образѣ поэта, много страдавшаго, но не утратившаго вѣры въ будущее!

Если ко всѣмъ этимъ чертамъ мы прибавимъ живость его духа, вѣчно ищущаго новыхъ настроеній и впечатлѣній, мы исчерпаемъ главнѣйшія черты его души, *поскольку онъ высказались въ его письмахъ*. Последнія слова выразительно подчеркиваемъ, желая указать этимъ, что, конечно, въ своемъ бѣгломъ очеркѣ мы далеко не исчерпали всѣхъ чертъ пушкинскаго духа, — въ письмахъ своихъ онъ не выразилъ всего себя, такъ какъ между корреспондентами его не было ни одного по плечу ему. Оттого письма помогаютъ понять Пушкина лишь въ обществѣ его друзей; они объясняютъ намъ, насколько его человѣческія черты отразились на его творчествѣ, но они не даютъ пониманія Пушкина, какъ «пѣвца земли», появившаго духомъ драматизмъ ея жизни, съ ея радостями и горемъ, — передъ нами чисто внѣшнія черты его облика, черты, однако характерныя и важныя.

Сравнимъ этотъ образъ съ тѣмъ, что просвѣчиваетъ въ его лирическихъ произведеніяхъ, мы увидимъ полное совпаденіе. И это безконечное разнообразіе мотивовъ, и этотъ всепрощающій свѣтъ любви, искренность и живость настроенія, отличительныя черты пушкинской лирики, — все это черты поэта, какъ человѣка; для него, не въ примѣръ многимъ другимъ поэтамъ, жизнь и поэзія во всякій отдѣльный моментъ сливались въ одно!

Разнообразіе героевъ въ его эпическихъ и драматическихъ произведеніяхъ вытекало изъ того-же богатства его природы. Мы говорили уже выше, что онъ легко сживался со всякимъ, легко жилъ его думами и чувствами. Всякій эпическій писатель непременно проходитъ въ

---

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 283.

своемъ творествѣ чрезъ такой процессъ. Нужно сдѣлаться самому немного Чичиковымъ, Подколесинымъ, чтобы заставить ихъ жить. Истинно художественное творчество (и лирическое, и эпическое) можетъ быть только субъективнымъ, въ большей или меньшей степени: образы, созданные объективно — или не живы, отвлеченны, сухи, — или портреты, не болѣе. Наконецъ, и духъ примиренія, которымъ былъ богатъ Пушкинъ въ жизни, сказался въ его герояхъ: онъ освѣтилъ ихъ всѣхъ свѣтомъ любви, — въ Пугачевѣ мы видимъ мягкія черты благодарности и милосердія, суровый Петръ изображенъ въ моментъ примиренія съ врагами, — въ его душѣ отмѣчено Пушкинымъ мягкое чувство признательности и даже нѣжности; въ Донъ-Жуанѣ, жизнерадостномъ, какъ ясный день, беззаботномъ, какъ сама юность, не остается почти ничего для суроваго судьи-моралиста, образъ преступнаго Годунова внушаетъ только глубокое сожалѣніе; Скупой Рыцарь и Сальери, несчастные мученики глубокой страсти, у одного къ поэзіи золота, у другого — къ божеству музыки, тоже ни въ комъ не пробуждаютъ къ себѣ злобы.

Заканчивая этимъ нашъ очеркъ, мы не можемъ, въ заключеніе, не указать, что образъ поэта, бѣгло очерченный нами, вполне сливается съ тѣмъ, что встаетъ передъ нами при чтеніи записокъ Смирновой. Странная судьба постигла эти живые, талантливые мемуары, встрѣченные такъ сурово нашей критикой! Точно ко всѣмъ запискамъ можно примѣнять одну и ту же мѣрку, — одни даютъ факты, имена, устанавливають хронологію, сохраняють для историка рядъ мелкихъ историческихъ данныхъ, — другіе не даютъ ничего этого, за-то рисуютъ живыя лица далекаго прошлаго, а вѣдь это вовсе не мало! Записки Смирновой принадлежатъ къ послѣднему роду мемуаровъ, — пусть въ нихъ спутана хронологія, иногда невѣрны факты, пусть они даже подправлялись издательницей, пусть *Dichtung* превышало порою *Wahrheit*, — за то въ этихъ запискахъ жизнь 20—30-хъ годовъ бьетъ ключемъ, за то передъ нами встають ясныя, характерныя лица, намъ дорогія... И между ними — центральная фигура — Пушкинъ! Стоитъ сравнить письма Пушкина съ воспоминаніями Смирновой, и мы убѣдимся, что они — документъ цѣнный, заслуживающій уваженія и вниманія! Какія стороны своей души Пушкинъ раскрывалъ передъ друзьями въ письмахъ, тѣ-же раскрылъ онъ и въ салонѣ Смирновой!

Оттого записки ея и письма поэта взаимно провѣряютъ и дополняютъ другъ друга, — стоитъ ихъ перечитать вмѣстѣ и, какъ живой, возстанетъ передъ нами, безконечно добродушный и благожелательный, порою насмѣшливый, то грустный, то блестящій и сверкающій «Искра»-«Сверчокъ» — весь яркое воплощеніе мгновенія, вѣчно живущій впечатлѣніемъ минуты, нѣжный и ласковый съ одними, задорный съ другими, съ его веселымъ, раскатистымъ беззаботнымъ смѣхомъ, съ его серьезными думами и страданіями, съ его горячими рѣчами...

В. В. Сиповскій.

ПАМЯТИ

ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВИЧА

МАЙКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

Вас. Остр., 9 лин., № 12

1902